

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

DOI: 10.7256/2070-8955.2013.8.9413

МАГИЯ ПЕРСОНИФИКАЦИИ

Аннотация: Психика человека постоянно порождает процесс очеловечивания. На земле, в небесах и на море она усматривает присутствие образа человека. Вот почему, если исходить из общей антропологической теории, а не только из соображений, навеянных концептуальным осмыслением телевидения, на экране постоянно нужен человек. Никакая выгородка, никакая бутафория, никакое множество безличной информации не может заместить потребности видеть на мерцающем квадрате живое человеческое лицо. Такова магия персонификации... Автор показывает, что это не прихоть, а всепоглощающая страсть. Может быть, это вообще глубинная человеческая потребность, некое универсальное свойство homo sapiens. Но правомерно ли выделять только это качество? Ведь, возможно, есть и иные, не менее значимые? Многие философы, в том числе А. Шопенгауэр, К. Ясперс, Э. Фромм и другие, пытались осмыслить природу человеческих потребностей. В статье выделяются главные человеческие потребности. Потребность в выживании, самосохранении, продолжении рода, что и говорить — важное дело. Не станешь помышлять о персонификации, если над тобой нависла угроза голода, смерти, стихийного бедствия. Все правильно. Но инстинкт самосохранения заметен у каждого животного. Нужда в пище, сексуальность, по мнению Шопенгауэра, все это естественные склонности. Потребности эти не специфически человеческие.

Ключевые слова: психология, персонификация, идентификация, информация, человек, чувство, психика, безымянность, персонаж, уподобление.

Человеческая психика так устроена, что сообщение не воспринимается отдельно от его носителя. Наташа Ростова не любила писать писем. Ей необходим был живой отклик, живое ответное чувство — жест, мимика, взгляд. В принципе любой человек в высказывании ищет смысл не отдельно от говорящего, а корректируя сообщение отношением к личности говорящего. То есть информация воспринимается нами персонифицированно.

На экране телевизора известный артист. Он читает сатирическую миниатюру. Вы смеетесь, потому что сознание дорисовывает образ веселого, остроумного человека, подмечающего в жизни такие смешные, уморительные детали. И вот на экране побежала надпись. Оказывается, артист читал не собственную миниатюру, а чужую, написанную профессиональным писателем. Образ раздваивается. Сознание старается отвлечься от полученной информации. Иначе никнет и впечатление. Нет, не зря, видимо, Аркадий Райкин держал Жванецкого и других авторов своих миниатюр в тени. И в сотворении собственного имиджа добился успеха.

Разная бывает информация. Одна закреплена за личностью, другая вроде бы ничья, как кошка, которая гуляет сама по себе. Не важно, кто сказал «мяу!». Передано — и баста! Какая разница, кто сообщил? Не лучше

ли просто осознать, что при этом происходит некое приращение знаний... Однако вот парадокс — против такой безымянности протестует все мое существо. Не «мяу» меня волнует, а конкретная кошка.

Мы бессознательно пытаемся придать сообщению статус персонифицированности. Скажем, рассказываю я о приключении в железнодорожном вагоне. Какие там кошмарные события разыгрались. «Родственница моей жены работает в министерстве железнодорожного транспорта. И вот там у них...». А родственница-то тут причем? Давай сразу по существу... Нет, сразу нельзя. Сначала надо сослаться на очевидца, на осведомленное лицо, на кума, наконец.

Зритель тоже не простак. Он любит, когда понятно, откуда дует ветер. Допустим, имеется некое сообщение: «А равняется Б». И нужно донести его до сведения телезрителей. Как это сделать с наибольшей убедительностью? Побежит по экрану строчка: «А равняется Б»... Ой, ли? Другое дело, когда появляется на мерцающем квадрате академик Фортон и сообщает, что «А равняется Б». Вот теперь другое дело. Это же авторитетно подтверждено уважаемым ученым. Между прочим, почему бы не усомниться? Авторитет авторитетом, а ты доводы приводи...

Мне лично нравится, когда я получаю информацию от конкретного лица. Мне безымянная информация ни

к чему... А теперь прочитаем, что пишет по данному поводу социолог О.И. Чечин, который специально занимается этой проблемой: «Существует информация, которая важна для нас сама по себе, независимо от лица, от которого она исходит. Так, справляясь по телефону о времени, мы, как правило, не обращаем внимания на стертый, механический голос автомата. Точно так же нас редко интересует, что за человек водитель автобуса, объявляющий остановки, или стюардесса, напоминающая нам о необходимости пристегнуть ремня. Без преднамеренного интереса не задумываемся мы и о личности информатора на стадионе, когда он сообщает, кто и на какой минуте забил гол, или диктора, читающего анонс предстоящих передач. Информация в таких случаях обезличена»¹.

Правильно ли подмечено? В основном, да. Но только в основном. В принципе обезличенной информации не существует в природе. Мы сами ее персонифицируем, когда в этом возникает потребность. Стертый, механический голос... Бесстрастная служебная табличка... Например, такая: «Выхода нет». А вот английские психологи установили, что надпись в лондонском метро, запрещающая выходить там, где не положено, воспринималась иными как авторитетное указание на... безысходность жизненной ситуации. В бесстрастной табличке угадывался какой-то inferнальный смысл. Табличку заменили, написали: «Выход рядом». Ну вот, это совсем другое дело! Статистика самоубийств резко пошла на убыль.

«Автобус, на котором мы ехали, — пишет Ф.И. Гиренок, — остается. Люди, наполняющие его, меняются. Здесь нет личных отношений. Здесь никто не является собой и потому не противопоставляется Другому»² Теперь водитель автобуса. Конечно, я к нему совершенно равнодушен. Какое мне, собственно, дело до этого случайного человека? Объявляет остановки, и все... А в подсознании я все-таки подмечаю: «Веселый какой-то, балагур. Про что он там? Ах, это... Отсутствие мелкой монеты не может служить оправданием... Так я тебе и поверил. По твоему голосу можно подумать, что иногда все-таки может... Да тебе на билеты наплевать. Говоришь ты об этом просто так. Для поддержания беседы... Такой уж ты человек...

Словом, персонификация все-таки рождается. Только не явная, не отчетливая. Мне пока этот водитель не очень интересен. Но только представьте себе, что с нашим автобусом случилось криминальное происшествие. Милиция всех расспрашивает: «Что вы думаете

о поведении водителя?». Ну, тут уж дайте мне слово, я такое порасскажу... А на каком основании? Да ведь я всю дорогу слушал его голос, объявляющий остановки. Неужели мало? Он у меня весь как на ладони...

Про стюардессу тоже надо сказать... Когда она велела пристегнуть ремни, я сразу о ней подумал. Где только Аэрофлот находит таких очаровательных? Какая красивая, гибкий стан, живое воплощение женственности... Сажу в салоне и неотрывно о ней думаю. Кстати, что ее толкнуло в поднебесье? Отчего ей в городе не сидится? Скорее всего, от несчастной любви. Адресок спросить, что ли? Вообще-то я и сам немножко одинокий. А спутницу жизни лучше всего искать на высоте десяти тысяч метров...

Может, я все это выдумал? Ведь стюардессы обычно говорят с казенной бодростью, заученными интонациями. Их так учат... Кто только придумал такое? Разве нужна огромная дистанция между пассажирами и экипажем? Могла бы, кажется, обратиться ко мне по-человечески? Боже мой, да она сама томится своей ролью. Сказала казенную фразу и вдруг улыбнулась не по инструкции. И вот что я вам скажу: не было в моей жизни такой мягкой посадки...

Я, конечно, понимаю, что читатель бывает упрямый. Его так просто не убедишь. Есть у меня еще один довод. Не хотелось мне им пользоваться, да уж придется, вынудили. Расскажу кое-что о себе. Значит, так. Родился я в городе Аддис-Абеба в семье конторского служащего. Внешность немного подкачала... Родной язык — португальский, мечтаю стать почтальоном. Недавно окончил гимназию. Покуда не женат...

Ну что, не нравится? Вы читайте, читайте, что у меня написано про человека на экране. Зачем такое раздражение? Ах, вот как: сам едва гимназию окончил, а уже поучает, почтальон недоучившийся. О красоте рассуждает, горбун несчастный... Видите, как дело-то обернулось? Рассказал о себе, и доверие к тексту иссякло. А ведь текст-то не менялся. Что же вам мешает воспринимать его адекватно?

Стало быть, информация всегда неотторжима от личности. Но ведь мы живем в эпоху массовых информационных потоков. Рождается новая цивилизация, где коммуникационная связь создает все условия для полного жизнеобеспечения человека. Вы, стало быть, сидите, дома у дисплея и запрашиваете на ваш домашний экран любые сообщения, любые заказы. И вот они являются к вам, как бы освобожденные от конкретных носителей. Какое вам дело до персонификации? Информация как таковая... Не грядет ли век обезличенных сообщений?

Как бы не так! Вы решили, что ваш отпрыск завтра не пойдет в школу. И послезавтра тоже... Хватит. Эти

¹ Чечин О.И. Персонифицированная информация. М., 2013. С. 40.

² Гиренок Ф.И. Фигуры и складки. М., 2013. С. 185.

догматики педагога вам изрядно надоели. Словом, надо купить вашему несравненному комплект видеокассет по всей школьной программе. Пусть изучает физику, геометрию и потом эту... голограммографию. (Не ищите в словаре — это я нарочно придумал, чтобы вы ощутили себя в компьютерном веке. Информация — пароль в грядущее.)

Что у нас там на видеокассете? Ага, лекции по физике. Хорошо, даже отлично. Кстати, кто читает? Смотрика, лауреат Нобелевской премии из Аддис-Абебы... А это что же? Курс по голограммографии. Ведет профессор из Принстона. Все-таки плохо, что не лауреат. Не продешевить бы. А впрочем, лицо одухотворенное, хоть и не лауреат. Такой долларов стоит. Эй, дитяtko, ступай погляди, каких я тебе педагогов приискал...

Теперь другое. Записался я на прием к врачу. Прихожу в назначенный час, а там в кабинете не человек, а компьютер. «Раздевайтесь, — говорит, — я вас обследую». А дальше, пусть читатель меня простит, процитирую отрывочек из собственного юмористического фантастического рассказа, опубликованного в журнале «Москва»: «На панорамном дисплее замелькали индексы. Шифры интеллектуальной мобильности. Данные о податливости сознания. Сведения о генной предрасположенности. Диаграммы деловых и досуговых связей. Компьютер обследует вас тщательнейшим образом, выдаст точный диагноз и... таблетку. Чем плохо? А вот уже читаю в западной литературе всякого рода предостережения. Что, мол, за лечение такое без психотерапии? Устройство оно и есть устройство. Что с него взять, с бестелесного механизма... Вот если бы сидел в кабинете живой доктор, он обязательно сказал бы: «Не волнуйтесь, пожалуйста, что болит в правом боку. У меня в этом месте тоже колет — и ничего». Глядишь, сразу и полегчает. И будете вы, как отмечали Ильф и Петров, говорить знакомым, что нет лучше доктора, чем в Кривособачьем переулке... У этого, который собран из проводов и пластмассы, разве кольнет по-человечески?»

И вот что получается уже не в фантастической, а в современной реальности. В одном японском городе состоялся обряд бракосочетания. И этот обряд звал в грядущее информационное общество, потому что венчал жениха и невесту компьютер. И все было замечательно и захватывающе необычно. И напутствие прозвучало, и свадебная мелодия. Но дальше молодожены повели себя непредсказуемо. Они вышли из храма и отправились в соседний, где и повторили церемонию. Что там ни говори, а живой священнослужитель всегда лучше. Что этот компьютер соображает в запутанных семейных отношениях? И обряд как ненастоящий...

А может быть, сработала инерция? Компьютерный век только начинается...

Но вот опять попался на глаза газетный лист. Теперь уже не про заморские, а про наши отечественные дела. На одном предприятии поставили автоматизированную линию. Все операции здесь выполнял робот. Он был снабжен красной лампой, которая, когда надо, тревожно вспыхивала. Еще и сирена включалась при малейшем отклонении от стандарта. Замечательно трудился этот робот. Ни устали не знал, ни перекуров. Только вот беда: не очень бережно с ним обращались окружающие, и он постоянно выходил из строя. Тогда решили автоматическую линию огородить со всех сторон, чтобы никто не мог повредить безотказному механизму. И подошел тогда некий трудящийся и сверху кирпичом прихлопнул зловредное устройство...

Кто же сегодня против наисовременнейшей техники? И почему? Ведь и производительность труда возрастает, и показатели улучшаются. Одно плохо — уж очень раздражает этот все время снующий механический энтузиаст, и лампа его красная, и сирена. Ни объяснить ему про перекур, ни перемолвиться словом...

Новая технология преобразует все стороны нашего бытия. Компьютеры и автоматы появляются там, где прежде складывались непосредственные контакты. Стало быть, и здесь нужна психологическая переориентация людей. Как бы ни развивалась компьютеризация, она не может устранить нашей потребности видеть живое, телесное существо. Как подметил поэт Баратынский, телесная природа берет свое между бытием и фантазией...

Но откуда в человеке влечение к персонифицированной идее, сообщению, образу? Да ведь он сам по себе, вне других, имеет весьма смутное представление о том, что он такое. Павел смотрит на Петра как в зеркало. Это мысль Маркса. Вне общества себе подобных, человек и не подозревает, что красив, умен, талантлив. Обо всем этом он узнает через других, поскольку рядом живут некрасивые, неумные, неталантливые. Отталкиваясь от них, он создает образ самого себя. И других тоже...

Обратимся к Фромму, американскому философу, который, специально изучая эту проблему, оставил нам некую инвентаризацию человеческих потребностей. Основой классификации для этого мыслителя явилось утраченное единство с природой, о котором уже упоминалось. По мнению Фромма, на протяжении длительной истории человечества разум, воля, эмоции людей не могли получить адекватного самовыявления. Общество не содействовало реализации глубинных естественных потребностей, а, напротив, стесняло их или направляло в искусственное русло, создавая основы культуры, общественной этики.

Конечно же, человек — социальное существо. Но ведь и волки живут стаей, а пчелы роем. Но там и связи животные, инстинктуальные. А тут иное. В качестве первой Э. Фромм называет потребность в общении, в межличностных узах. Изолированный, искусственно выброшенный из общества человек десоциализируется, утрачивает культурные стандарты. Индийские девочки, воспитанные медведицей и найденные в джунглях, так и не смогли «очеловечиться». Маугли не более чем вымысел. Робинзон тоже фантазия. Но если отважный мореплаватель и сумел сохранить себя как личность, то только потому, что развернул на острове все богатство общественных связей. «Производство обособленного одиночки вне общества, — писал К. Маркс, — редкое явление, которое, конечно, может произойти с цивилизованным человеком, случайно заброшенным в необитаемую местность и потенциально уже содержащим в себе общественные силы. Но в принципе это такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидов»³.

Робинзон нес в себе в скрытом виде характеристики того сообщества, которое его взрастило. Поэтому на острове он начал трудиться, разговаривал с попугаем, обрел Пятницу. А без общения человек не человек.

Продолжим, стало быть, читатель, об общении... Послушаем Фромма: «Потребность в слиянии с другим существом, соединении с кем-то повелевает нами; здоровье человека обусловлено именно этой потребностью»⁴. Американский философ полагал, что идеальной формой, в которой названная потребность получает полное раскрытие, является любовь. В любви человек обнаруживает могучий душевный потенциал, растворяя себя в другом и тем самым выявляя собственную сущность. Я, может быть, и Тарзана люблю только потому, что через него и себя постигаю. Только любовь бескорыстна и бескомпромиссна. Что, вы знали это из художественной литературы? Но дослушайте Фромма: «Любовь — это активная сила в человеке, сила, которая опрокидывает стены, отделяющие человека от других людей, и объединяет его с другими»⁵. Любовь — предельное самораскрытие личности.

Вторая потребность, описанная Фроммом, — потребность в творчестве как глубинной интенции человека. В отличие от пассивного приспособления, присущего животному, люди стремятся преобразовать мир. А это невозможно без тяготения к трансценденции, поиска идеального. Лично для меня Анна Маньяни —

неприкасаемый кумир. Это она сказала: «Не скрывайте моих морщин, они мне слишком дорого стоили». Много лет великая актриса платила по счетам своих требовательных героев.

Без внутренней готовности к возвышенному, к романтическому порыву личность не может подняться над повседневной прозой жизни. По мнению Фромма, эта потребность продиктована наличием творческих сил в каждом индивиде, среди которых особое место занимает воображение, эмоциональность. В акте творчества человек соединяет себя с миром, разрывает рамки пассивности своего существования, входит в царство свободы.

Третьей в перечислении Фромм является потребность в ощущении глубоких корней, гарантирующих прочность и безопасность бытия. Фрейд полагал, что такое состояние достигается в жизни каждого человека, если он испытывает материнскую и отцовскую любовь. Трактую конфликт любви и долга как одну из универсальных ситуаций человеческого существования, Фрейд считал его истоками материнскую любовь, естественную и ни чем не обусловленную, и отцовскую, отождествляемую с сознанием, долгом, законом и иерархией отношений.

Но тут Фромм вступает в полемику со своим учителем. Он полагает, что потребность в гарантии прочности бытия не обеспечивается лишь материнской и отцовской любовью. Тут нужно что-то более надежное, в частности ощущение собственных родовых корней. Пушкин, например, знал всех своих пращуров, начиная с Ратши, который был сподвижником Александра Невского. И.А. Бунин видел предназначение своего писательского дара в том, чтобы запечатлеть и выразить в творчестве деяния и жизнь целого сонма своих безвестных предков, имена которых потерялись в глубинах истории.

Каждый человек стремится осознать себя звеном в определенной стабильной цепи рода человеческого, возникшей в праистории. Фромм определяет такие формы в качестве корневых, психологически прочных связей. От материнской любви исходит всепрощение, милосердие, любовь. От отцовской — различные формы авторитарного сознания: рассудочность, стремление установить иерархические отношения главенства и подчиненности. Американский философ полагает, что эти принципы матриархата и патриархата можно обнаружить не только в первобытных сообществах, но и в современных общественных отношениях. Одна форма человеческих связей генетически восходит к материнской любви. Она основана на свободной привязанности людей друг к другу. И речь идет не только о родственных отношениях. Можно, например, испытывать чувство

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 18.

⁴ Fromm E. *The Sane Society*. L., 1959. P. 30.

⁵ Fromm E. *The Art of Loving*. N.Y., 1956. P. 20-21.

любви к киногероине, полагая ее духовно близким человеком. Социологические опросы, проводимые в свое время Гостелерадио СССР, показали, что такой феномен обнаружился, в частности, при оценке образа Анфисы из телевизионной серии «Угрюм-река».

Другая форма связи, основанная на отцовских началах, как бы повторяет отношения, складывающиеся между отцом и детьми, и пронизана ощущением неизбежной иерархичности, авторитарности, то есть подчинения власти. Национализм, расовые теории, идеи этнической исключительности и тоталитаризма, то есть полного подчинения господствующим силам, возникли в результате культивирования подобных общественных отношений. Фромм пытается проследить в современных тоталитарных режимах (нацизм, сталинизм) изначальные принципы связей, возникших еще в первобытных группах.

Между прочим, и отношение к кино- и телеперсонажам отражает избирательность связей. Иные зрители

любят героя, в котором олицетворяется для них идея так называемого харизматического лидера, вождя, диктатора.

Четвертая глубинная потребность человека, отмеченная Фроммом, — стремление к уподоблению, поиск объекта поклонения. Вот оно! Индивид, заброшенный в мир таинственных вещей и явлений, оказывается, просто не в состоянии самостоятельно осознать назначение и смысл окружающего бытия. Он нуждается в системе ориентации, которая дала бы ему возможность отождествить себя с неким признанным образцом.

Впервые такого рода механизмы были рассмотрены в психологической концепции Фрейда, возникшей на основе патопсихологического наблюдения, а затем были распространены на «нормальную» духовную жизнь. Фрейд рассматривал идентификацию как попытку ребенка (или слабого человека) перенять силу отца, матери (или лидера) и таким образом уменьшить чувство страха перед реальностью.

Продолжение в следующем номере

Список литературы:

1. Гиренок Ф.И. Фигуры и складки. М., 2013.
2. Гуревич П.С. Политическая психология. М., 2013.
3. Гуревич П.С. Приключения имиджа. М., 1991.
4. Чечин О.И. Персонифицированная информация. М., 2013.

References (transliteration):

1. Girenok F.I. Figury i skladki. M., 2013.
2. Gurevich P.S. Politicheskaya psihologiya. M., 2013.
3. Gurevich P.S. Priklyucheniya imidzha. M., 1991.
4. Chechin O.I. Personificirovannaya informaciya. M., 2013.